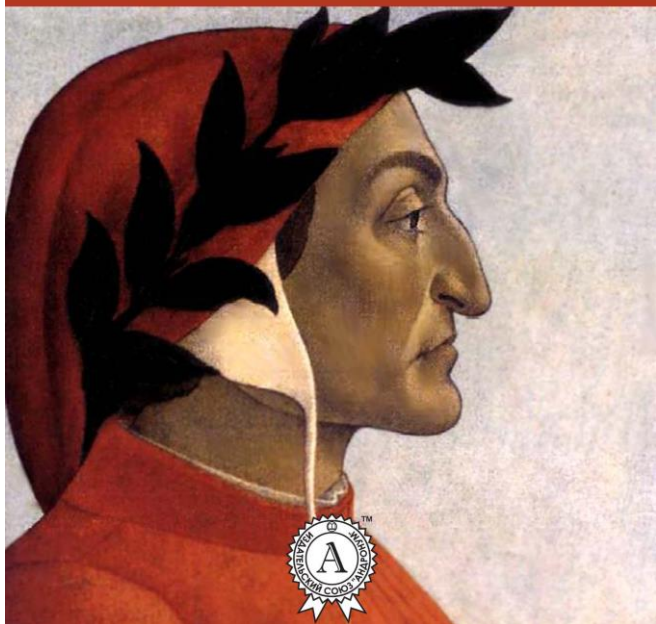

ДЖОРДЖ ГОРДОН
БАЙРОН

ПРОРОЧЕСТВО ДАНТЕ

«Пророчество Данте» — великолепная поэма знаменитого на весь мир английского поэта Джорджа Байрона (англ. George Noel Gordon Byron, 1788–1824).

Автор говорит устами великого итальянского поэта Данте Алигьери. Данте предупреждает своих соотечественников о предстоящих бедствиях, ожидающих Италию, призывает к объединению, а также рассуждает о поэтическом искусстве и о поэтах, которые прославят имя Италии.

Из-под пера лорда Байрона вышли такие произведения, как «Абидосская невеста», «Мазепа», «Дон Жуан», «Оскар Альвский», «Беппо», «Корсар», «Шильонский узник», «Лара».

Джордж Гордон Байрон считается символом европейского романтизма, «Прометеем нового времени».

В творчестве этой загадочной личности пессимизм и мотивы «мировой скорби» удивительным образом сочетаются со свободолобием и революционным духом. Его произведения переведены на многие языки мира и уже несколько веков продолжают покорять сердца читателей.

Джордж Байрон ПРОРОЧЕСТВО ДАНТЕ

Посвящение

Для той страны, прелестное создание,
Где я рожден, но не найду конца,
Я строю лиру — песне подражанье
Великого Италии певца,

Но копией простой — очарованья,
Всей прелести бессмертной образца
Не передам; и жду я оправданья
В твоем лишь сердце нежном для творца.

В своей красе и юности — лишь слово
Ты молвила, и сердце вмиг готово
Исполнить все; на светлом юге нам

Из уст прекрасных речь звучит такая,
Цветет такая прелесть, взор лаская:
К каким не вдохновят они трудам?

Равенна, 21 июня, 1819 г.

Пророчество Данте

Во время одного посещения Равенны, летом 1819 года, автору подали мысль написать после того, как он вдохновился заточением Тассо, и что-нибудь на сюжет изгнания Данте, гробница которого составляет главную достопримечательность Равенны и в глазах жителей города, и для приезжающих туда иностранцев.

Я последовал этому совету и результатом является нижеследующая поэма из четырех песней, написанных терцинами. Если эти песни будут поняты и заслужат одобрение, то я предполагаю продолжить поэму дальнейшими песнями и довести ее до естественного конца, т. е. до событий нашего века. Читателю предлагается предположить, что Данте обращается к нему в промежуток времени между окончанием Божественной Комедии и своей смертью — незадолго до нее, и пророчествует о судьбах Италии в следующие века. Составляя этот план, я имел в виду Кассандру Ликофрона и пророчество Нерееу Горация, также как и пророчество Священного писания. Поэма написана стихом Данте, *eerza rima*, кажется еще никем не введенным в наш язык, за исключением быть может м-ра Гэлее (Hauley); но я видел только один отрывок его перевода, приведенный в примечаниях к Калифу Ватеку. Таким образом, если я не

ошибаюсь, эта поэма представляет собой метрический эксперимент. Песни короткие; они приблизительно такой же длины, как песни поэта, от имени которого я говорю — по всей вероятности напрасно заимствовав у него его имя.

Одна из неприятностей, выпадающих на долю современных авторов, заключается в том, что трудно для поэта, составившего себе некоторое имя — хорошее или дурное — избежать переводов на другой язык. Я имел счастье видеть четвертую песнь Чайльд-Гарольда переведенную на итальянский язык стихом, называемым *versi sciolti*; это значит, что поэма, написанная спенсеровскими строфами, переведена была белыми стихами с полным пренебрежением к естественному распределению стихов по смыслу. Если бы и настоящая поэма, в виду ее итальянского сюжета, подверглась той же участи, я бы попросил итальянского читателя помнить, что если мое подражание великому «Padre Alighier» и не удалось, то ведь я подражал тому, что все изучают, но не многие понимают. До сих пор не установлено, что собственно означает аллегория первой песни *Inferno*, если не считать, что вопрос окончательно разрешен остроумным и вполне правдоподобным толкованием графа Маркети.

Итальянский читатель уже потому может простить мне неудачу моей поэмы, что вероятно не

был бы доволен моим успехом; ведь итальянцы из вполне понятного национального чувства очень ревниво оберегают единственное, что у них осталось от прежнего величия — свою литературу; в теперешней ожесточенной борьбе между классиками и романтиками они очень неохотно разрешают иностранцу даже преклоняться или подражать им, и стараются опорочить его ультрамонтанскую дерзость. Я вполне это понимаю, зная, что сказали бы в Англии об итальянском подражателе Мильтону или если бы перевод Монти, Пиндемонте или Ариччи ставился бы в пример молодому поколению, как образец для их будущего поэтического творчества. Но я вижу, что отклонился в сторону и обращаюсь к итальянскому писателю, когда мне следует иметь в виду английских. Но будет ли их много или мало, а я должен им откланяться.

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Опять я в мире этом, что на время
Я покидал; и снова удручен,
Я чувствую земного праха бремя,

Бессмертного видения лишен,
Что вознесло к Творцу меня в селенья

Из бездны той, где слышен грешных стон,

Откуда нет возврата и спасенья,
И из другого места меньших мук,
Где все проходят пламень очищенья

И в ангельский затем вступают круг,
Приблизясь к Беатриче совершенной,
Чей дивный свет мой озаряет дух

И к Троице Предвечной, всеблаженной:
В ней — истинный и триединый Бог.
Земному гостю ты, душа вселенной,

Была вождем, чтоб славой он не мог
Быть опален, хотя через светила
Он восходил к Всевышнему в чертог.

О, ты, чье тело нежное могила
Скрывала долго, чистый серафим
Святой любви, что сердце охватила

С дней юности: и стал неуязвим
В ее лучах я для всего земного.
То, без чего мой дух, тоской томим,

Кружил, как голубь из ковчега — снова
С тобой успел я в небе обрести:

Нет полноты блаженства неземного

Без света твоего. Лет десяти
Я был, когда ты сутью помышлений
И жизни стала¹. Я не знал любви,

Но я любил; среди борьбы, гонений,
Изгнания — струил я слез ручьи
Лишь по тебе, бесчувствен для мучений,

И радуют мой взор лучи твои.
Сломить меня — бессилен гнет тирана,
Хотя напрасно я года свои

Влачил в борьбе, и лишь сквозь мглу тумана
Чрез Апеннины мой духовный взор
В отчизну проникает невозбранно,

Где прежде мной гордились. Из-за гор

¹ «По словам Боккачио, Данте был влюбленным гораздо раньше, чем сделался воином, и его страсть к Беатриче, которую он обессмертил в своих стихах, началась в ту пору, когда ему шел всего девятый, а ей — восьмой год от роду. Говорят, что они в первый раз встретились на празднике в доме ее отца, Фолько Портинари. Впечатление, произведенное ею на восприимчивое сердце поэта, нисколько не ослабело с ее смертью, случившейся 16 лет спустя». (Кэри).

И в смертный час мне нет туда возврата,
Но тверд мой дух в изгнание до сих пор.

Туч не страшилось солнце, но заката
Пришла пора, пришел мой день к концу.
Делами, созерцанием богата

Была душа, встречал лицом к лицу
Во всех его я видах разрушенья;
Мир до сих пор немилостив к певцу,

Но до конца избег я осквернения
И низостью я не купил похвал.
Несправедливость — в мире, но отмщенье —

За будущим; быть может пьедестал
Оно воздвигнет мне, хотя желанья
Клонились не к тому, чтобы попал

Я в список тех людей, что в лжесиянье
Купаются, и гонит их суда
Не ветер, уст изменчивых дыханье.

Их цель одна: меж тех, кто города
Оружьем брал и суд чинил неправый —
Прославиться на многие года

Истории страницей кровавой.

Флоренция, о, если б я узрел
Свободною тебя, венчанною славой!²

С Иерусалимом сходен твой удел,
Где плакал Он о гибнущей столице,
«Не хочешь ты!» — как он не захотел.

Укрыл бы я подобно голубице
Птенцов твоих, но ядом воздала,
Как лютый змей, ты за любовь сторицей.

Имущество отняв, ты обрекла
Мой прах огню. Страны родной проклятья,
Вы горьки тем, кому она мила!

Для родины готов был жизнь отдать я,
Но тяжко умереть через нее,
Любя ее душой. Есть вероятье:

В грядущем заблуждение свое
Поймет она, и мне, кому судила
Чрез палача покончить бытие —

² «Ср. сонет Данте: «Изгнание свое считаю я за честь», где он говорит, что Справедливость, Великодушие и Умеренность изгнаны из среды людей и ищут себе приюта у Любви, которая обитает в его сердце. (Прим. Байрона).

Откроется в ее стенах могила.
Но этому не быть. Пускай лежит
Мой прах — где пал. В земле, что подарила

Мне жизнь и ныне в ярости казнит,
Хотя б с отменой приговора злого —
Не будет прах разгневанный зарыт.

Там, где лишен был моего я крова —
Не надлежит моей могиле быть.
Отталкивала грудь она сурово,

Готовую кровь для нее пролить,
И дух, противопоставший искушеньям,
И гражданина, что привык служить

Ей каждым сердца верного биеньем.
Но Гвельф в закон там смерть мою возвел,
Воспользовавшись быстрым возвышеньем.

Забудется ль подобный произвол?
Флоренции скорей грозит забвенье.
О, нет, удар был чересчур тяжел

И чересчур истощено терпенье,
Чтоб сделалася менее тяжка
Ее вина и легче мне — прощенье.

И все ж моя любовь к ней глубока.
Из-за нее и Беатриче ради —
Не мщу стране, что мне была близка.

Прах Беатриче молит о пощаде,
С тех пор как он туда перенесен —
Охраною он грешным в целом граде.

Хотя порой я гневом распален,
Как Марий средь развалин Карфагена,
И чудится мне гнусный враг — сражен;

Он корчится, из уст клубится пена,
И торжеством сияю я, но — нет.
Такая мысль, что я гоню мгновенно —

Нечеловеческих мучений след;
Нам служит Мечь заменой изголовью,
Она — с неутоленной жаждой бед

Переворотом бредит лишь и кровью:
Когда мы всех затопчем в свой черед,
Кто нас топтал, глумясь над любовью —

Вновь по главам склоненным смерть пройдет.
Не мне, Господь, Тебе — свершенье кары.
Пусть всемогущий жезл на тех падет,

Кто мне нанес жестокие удары.
Будь мне щитом, как был Ты в городах,
Где царствовал дух возмущенья ярый,

В опасностях и в боевых трудах —
Из-за отчизны тщетно понесенных.
К Тебе, не к ней взываю я в мольбах,

К Тебе, кого среди сонмов преклоненных
Я созерцал в той славе без конца,
Что я один из плотью облеченных

Узрел при жизни — волею Творца.
Увы! Опять к земному возвращенью
Гнетет чело мне тяжелей свинца.

Страсть едкая, тупые ощущенья,
Под нравственную пытку сердца стук,
День без конца и ночь без сна, виденья

Полвека крови полного и мук,
Остаток дней — седых и безнадежных,
Но выносимых легче: пусть вокруг

Нет никого. Добычей волн мятежных —
Один так долго был я на скале
Отчаянья, в виду пучин безбрежных,

Что не могу мечтать о корабле,
Минующем утес мой обнаженный.
И кто услышит голос мой во мгле?

Мне чужд народ и век мой развращенный,
Но в песне повесть дней я разверну
Междоусобной смуты исступленной.

Никто б ее страницу ни одну
Не прочитал, когда б в моей поэме
Предательства людского глубину

Стихом не обессмертил я. Со всеми,
Кто мне подобен — я делю судьбу:
При жизни выносить страданий бремя,

Томиться сердцем и вести борьбу,
Чтоб умереть в уединенье полном.
Когда ж их прах уже истлел в гробу —

Паломники спешат, подобно волнам,
Чтоб поклониться каменным гробам
И славу расточать — глухим, безмолвным

И безучастным к ней их именам.
За славу я платил ценой громадной.
Что смерть! Но в жизни к низменным путям

Пустых людей склоняя беспощадно
Высокий разум, взору пошляков
Являться в пошлом виде заурядно;

Скитальцем быть, когда и у волков
Есть логово, и сладости общенья
Лишенным быть в течение годов

С родными, домом, всеми, кто мученья
Смягчить бы мог. Как царь, живу один,
Но власти — нет, в которой возмещенье

За свой венец находит властелин.
Завидую я крыльям голубицы,
Что мчат ее чрез выси Апеннин

К волнам Арно, к пределам той столицы
Неумолимой, где с детьми она
Осталася, чьей злобе нет границы —

Мне гибель в дар принесшая жена.³

³ «Эта дама, по имени Джемма, происходила от одной из самых могущественных гвельфских фамилий, Довати. Корсо Донати был главным противником гибеллинов. Джианноццо Манетти говорит о ней, что она была «слишком угрюма, подобно тому, как пишут о Ксантиппе, супруге философа

Сократа». Но Лионардо Аретино выражает неудовольствие на Боккачио за то, что он в своей биографии Данте сказал, что литературным деятелям не следовало бы жениться. Боккачио, говорит он, в данном случае теряет терпение и уверяет, что женитьба несовместима с научными занятиями; он забывает, что Сократ, один из благороднейших философов, когда-либо живших, имел жену и детей и занимал официальные должности в своей родной республике; что Аристотель, который, и пр. и пр., имел в разное время двух жен и несколько сыновей и был очень богат... Марк Туллий и Катон, и Варрон, и Сенека также были женаты, и пр. («Le Viee di Dame» еес. Fir. 1677, pp. 22, 23). Замечательно, что все примеры, так добросовестно приводимые у Лионардо, за исключением одного только Сенеки, да еще, может быть, Аристотеля, выбраны не особенно удачно. Теренция, жена Туллия, и Ксантиппа, жена Сократа, вовсе не содействовали благополучию своих мужей и развитию их философии; Катон развелся с женою; о жене Варрона мы ничего не знаем, а о жене Сенеки знаем только, что она готова была вместе с ним умереть, но не исполнила этого намерения и пережила мужа на много лет. Но Лионардо говорит, что человек, по мнению всех философов, есть животное гражданственное (*animale civile*) и отсюда заключает, что важнейшим доказательством «гражданственности» этого животного является «супружество, служащее к умножению отечественного населения». (Прим. Байрона).

«Ни в Божественной Комедии, ни в других сочинениях Данте нет ничего, что подтверждало бы общее мнение о несчастливом браке поэта. Предполагали, что он намекал на свою жену в § 36 «Новой Жизни», где он говорит о молодой и прекрасной даме, смотревшей на него из окна взором, полным сострадания, и в «Пире» (II, 2, 7), где он вспоминает о своей

И видеть, знать в отчаянье бесплодном,
Что жизнь мою направила судьба

Путем непоправимо-безысходным —
Мне тяжело, но ведена борьба
Достойно мной, остался я свободным:

Изгнанника не превратят в раба.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

Дух полных веры стародавних дней,
Когда слова сбывались, и, сверкая,
Мысль озаряла будущность людей,

Из хаоса событий вызывая

благородной даме, которой он готов был служить более ради ее любезной доброты, нежели по собственному выбору; но с этими предположениями трудно согласиться. Равным образом, нет не малейшего основания утверждать, что в словах, вложенных поэтом в уста Якопо Рустикуччи: «Меня сгубила злобная жена» (Ад, XVI, 45), заключается намек на личные обстоятельства самого Данте. Но для Байрона, как и для Боккачио, «желание было отцом мысли», и оба были очень довольны возможностью указать на Данте, как на жертву неудачного брака». (Кольридж).

Тех образов незавершенных ряд,
Которым жизнь назначена земная;

Я вижу все, что зрел пророков взгляд
В Израиле; их дух — на мне отныне.
Пусть как в былом — Кассандре, не хотят

Внимать и мне, пусть вопию в пустыне —
На них вина, награда же моя
Во мне самом. Италия, в кручине

Не вижу ли, что льется кровь твоя
И будет литься? Мрачные виденья
При тусклом свете факелов! И я

В их ужасе забыл мои мученья.
Отчизна — лишь одна, мой прах земной
В ее груди найдет успокоенье,

И дух мой в речи оживет родной,
Угасшей с римской славою могучей.
Но я взамен создам язык иной —

Такой же гордый, более певучий.
Пыл мужества с любовным забытьем —
Все передаст он прелестью созвучий,

Подобных краскам на небе твоём;

Осуществит он гордый сон поэта
И станешь ты Европы соловьем.

Пред ним язык других народов света —
Покажется чириканьем. Один
Я совершу — тобой гонимый — это:

Тосканский бард, изгнанник гибеллин.
Грядущего разверзлось покрывало
Тысячелетья, как простор пучин

Лежащие, пока не взволновало
Их грозно бурь дыханье — предо мной
Из вечности плывут, но не настала

Еще пора, нет тучи грозовой,
В утробе спит землетрясенья сила;
Не наступает хаос роковой,

Но жребий твой судьба уже решила.
Лишь слова одного стихии ждут:
— Да будет мрак! — и будешь ты — могила.

Италия прекрасная, падет
Меч на тебя! Красой ты схожа с раем,
Что нам в тебе здесь на земле цветет.

Ужель его мы дважды потеряем?

Луч солнечный там золото полей
Один вспахал, и все ж обилья краем,

Ты житницей была б Европы всей.
Твоя лазурь — прекраснейшего цвета,
Созвездия твои — других светлей.

Свои дворцы в тебе воздвигло лето,
Ты — колыбель Империи, твой Рим
Украшен данью всех монархов света,

А он — свободный был непобедим.
Алтарь — святым, героям дав рождение,
Величием небесным и земным

Венчалась ты. Все, что воображенье
Себе рисует — затмевает ты:
Действительность прекрасней представленья.

Когда глядим с альпийской высоты
Через снега, утесы и стремнины,
Где сосен, полных дикой красоты,

Под бурею склоняются вершины,
Все ближе увидеть стремится взор
Италии цветущие долины.

Не поглощен ли был морской пучиной?

Вы, горы, поступите, как они,
Вы, римляне! Живет в вас дух старинный

Тех, чьим мечом сражен в былые дни
Был Ксеркса победитель. Их могилы
Забвение минует искони.

Доступней Альп гряда, чем Фермопилы,
И для пришельца легче ль переход?
Иль сами вы для чужеземной силы

Свободным оставляете проход?
Движению победной колесницы
Природа здесь преграды создает,

И недоступны стали бы границы,
Но войны ей помогать должны,
Тогда падут пришельцев вереницы.

Бывает так в пределах той страны,
Где матери борцам дают рожденье,
Не в той земле, где трусы рождены.

Для них ничто — все в мире укрепленья,
И безопасней норка червяка —
Алмазных стен, скрывающих смятенье

Людских сердец. Доселе есть войска